

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА ПРОРОКА ДАВУДА В ТАФСИРЕ НАДЖМУДДИНА КУБРЫ «ТАЪВИЛАТ АН-НАДЖМИЯ»

NAJMIDDIN KUBRONING “TA’VILAT
AN-NAJMIYA” ASARIDA DOVUD
PAYG’AMBAR OBRAZI: GERMENEVTIK
TAHLIL

A HERMENEUTIC ANALYSIS OF THE IMAGE OF PROPHET DAVID IN NAJMUDDIN KUBRA’S SUFI TAFSIR “TA’WILAT AL-NAJMIYYA”

RAKHIMDJANOV Durbek Abidjanovich
INTERNATIONAL ISLAMIC ACADEMY OF UZBEKISTAN
Doctor of Philosophy (PhD) in Historical Sciences
ICESCO Chair for Islamic Studies and Islamic Civilization,
Abdulla Kadiri, 11, Tashkent, 100011, Uzbekistan

YAKUBOVA Ziyoda Ulugbek qizi
INTERNATIONAL ISLAMIC ACADEMY OF UZBEKISTAN
Master’s student
E-mail. ziyodayakub@gmail.com
Abdulla Kadiri, 11, Tashkent, 100011, Uzbekistan

DOI: 10.47980/IAU/2026/1/6

Аннотация: Книга Наджмуддина Кубры «Таъвилат ан-Наджмия» занимает важное место в исламской научной традиции и представляет собой значимый образец суфийского тафсира. Автор стремится раскрыть внутренние, духовные и философские смыслы коранического текста, не выходя при этом за рамки традиционного толкования. В его интерпретации особое внимание уделяется образам пророков, которые рассматриваются как символические модели духовного развития человека. В этом контексте повествование о пророке Давуде (а.с.) приобретает многослойный характер, объединяющий в себе нравственно-философские аспекты.

Наджмуддин Кубра представляет пророка Давуда (а.с.) не только как историческую фигуру, но и как правителя и пророка, находящегося в состоянии постоянной внутренней борьбы. Его жизненный путь интерпретируется как символ противостояния разума и нафса. Победы над внешними врагами осмысливаются как отражение преодоления внутренних страстей, тогда как покаяние и поклонение трактуются как символы духовного очищения и любви к Творцу.

Анализ интерпретации образа Давуда (а.с.) в «Таъвилат ан-Наджмия» показывает, что в понимании Наджмуддина Кубры путь пророков представляет

собой путь внутренней трансформации, где преодоление собственного «я», покаяние и божественная любовь выступают ключевыми элементами духовного совершенствования.

В статье обосновывается значимость труда Наджмуддина Кубры как важного источника в исламской литературе и суфийской традиции толкования Корана. Особое внимание уделяется анализу коранических аятов, в которых пророк Давуд (а.с.) представлен как многомерная фигура, объединяющая историческое, пророческое и духовно-символическое измерения.

Ключевые слова: Наджмуддин Кубра, Пророк Давуд (а.с.), Таъвилат ан-Наджмия, ишарийский тафсир, суфийское толкование, исламская герменевтика, духовная антропология, нафс, калб.

Annotatsiya: Najmiddin Kubroning “Ta’vilot an-Najmiya” kitobi islom adabiyotida markaziy o’rin egallaydi va tasavvufiy tafsirning muhim namunasi hisoblanadi. Muallif Qur’on matnining ichki, ruhiy va falsafiy ma’nolarini ochib berishga intiladi hamda bunda an’anaviy tarixiy talqin doirasidan chiqmaydi. Najmiddin Kubro asarida payg’ambarlar obrazlariga alohida e’tibor qaratilib, ular insonning ruhiy rivojlanishining ramziy modellar sifatida ko’rib chiqilgan. Shu nuqtai nazardan, Dovud (a.s.) qissasi axloqiy-falsafiy jihatlarini o’zida mujassam etgan ko’p qatlamli talqinga ega.

Najmiddin Kubro Dovud (a.s.)ni nafaqat tarixiy shaxs, balki podshoh va payg’ambar sifatida ham tasvirlaydi, u doimiy ichki kurash holatida bo’lgan. Uning hayoti aql va nafs o’rtasidagi qarama-qarshilikni ramziy tarzda ifodalaydi. Muallif Dovud (a.s.)ning g’alabalari va sinovlariga ruhiy mazmun bag’ishlaydi. Dushmanlar ustidan qozonilgan g’alabalar ichki tabiatni yengishni ifodalasa, tavba va ibodat lahzalari ruhiy poklanish va Yaratganga bo’lgan muhabbat ramziga aylanadi.

“Ta’vilot an-Najmiya” asarida Dovud (a.s.) qissasining yoritilishi Najmiddin Kubro nazarida payg’ambarlar yo’li ichki o’zgarish yo’li ekanini ko’rsatadi; bu yo’lda o’z ustidan g’alaba qozonish, tavba va ilohiy muhabbat ma’naviy yuksalishning asosiy unsurlari hisoblanadi.

Ushbu maqolada Najmiddin Kubroning “Ta’vilot an-Najmiya” asari islom adabiyotida va tasavvufiy tafsirning muhim namunasi ekanini o’z ifodasini topgan. Maqolada Dovud (a.s.)ni nafaqat tarixiy shaxs, balki podshoh va payg’ambar sifatida ham tasvirlagan oyatlar tadqiq qilingan.

Kalit so’zlar: Najmiddin Kubro, Payg’ambar Dovud (a.s.), Ta’vilot an-Najmiya, tasavvuf, ruhiyat, islom falsafasi, nafs, qalb, bag’rikenglik.

Annotation. Najmuddin Kubra’s Ta’vilot al-Najmiyya occupies an important place in the Islamic scholarly tradition and represents a significant example of Sufi tafsir. The author seeks to uncover the inner, spiritual, and philosophical meanings of the Qur’anic text while remaining within the framework of traditional interpretation. In his exegesis, particular attention is given to the figures of the prophets, who are understood as symbolic models of human spiritual development. In this context, the narrative of Prophet David

acquires a multilayered character that integrates ethical and philosophical dimensions.

Najmuddin Kubra presents Prophet David not only as a historical figure, but also as a ruler and prophet engaged in a continuous inner struggle. His life is interpreted as a symbolic representation of the tension between reason and the nafs. Victories over external enemies are understood as reflections of overcoming inner passions, while repentance and worship are interpreted as symbols of spiritual purification and devotion to God.

The analysis of the image of Prophet David in Ta'wilat al-Najmiyya demonstrates that, in Kubra's understanding, the path of the prophets represents a process of inner transformation, in which overcoming the self, repentance, and divine love serve as key elements of spiritual perfection.

The article substantiates the significance of Kubra's work as an important source within Islamic literature and the Sufi tradition of Qur'anic interpretation. Particular attention is devoted to the analysis of Qur'anic verses in which Prophet David is presented as a multidimensional figure combining historical, prophetic, and spiritual-symbolic dimensions.

Keywords: *Najmuddin Kubra, Prophet Dawud (peace be upon him), Tawilat al-Najmiyya, Sufism, spirituality, Islamic philosophy, nafs, heart, tolerance.*

ВВЕДЕНИЕ

Изучение суфийской интерпретационной традиции толкования Корана занимает важное место в современном исламоведении, поскольку позволяет раскрыть многослойный характер интерпретации священного текста и проследить эволюцию различных интеллектуальных традиций в исламе. В этом контексте особое значение приобретает ишарийский тафсир, направленный на выявление внутренних, духовно-символических смыслов коранического откровения.

Наджмуддин Кубра (1145-1221), основатель суфийского тариката Кубравия, занимает значимое место в истории исламской мысли. Его труд «Таъвилат ан-Наджмия» представляет собой один из наиболее показательных примеров суфийского толкования, в котором коранический текст осмысливается как средство духовного самопознания и нравственного совершенствования человека.

Особый интерес в рамках данного подхода представляет образ пророка Давуда (а.с.), который в Коране характеризуется как пророк, правитель и носитель божественной мудрости. В классической традиции основное внимание уделяется его пророческой миссии и праведности, тогда как в суфийском толковании данный образ приобретает дополнительное символическое измерение.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного анализа ишарийского

толкования аятов о пророке Давуде (а.с.) в контексте суфийской традиции, поскольку данная проблематика остаётся недостаточно разработанной в современном религиоведении.

Цель исследования заключается в анализе особенностей интерпретации коранических аятов о пророке Давуде (а.с.) в тафсире Наджмуддина Кубры.

Методологическую основу исследования составляет герменевтический подход, понимаемый как анализ коранического текста с учётом его буквального, контекстуального и символического уровней. В работе также используются текстологический и сравнительный методы. Текстологический анализ направлен на изучение аятов, связанных с образом пророка Давуда (а.с.), и их интерпретации в «Таъвилат ан-Наджмия». Сравнительный метод позволяет сопоставить классические тафсиры с ишарийским толкованием Наджмуддина Кубры и выявить специфику его подхода.

Анализ проводится поэтапно: от отбора релевантных коранических аятов к рассмотрению их классического толкования, далее – к анализу их суфийской интерпретации и выявлению духовно-антропологических смыслов. Такой подход позволяет рассматривать образ пророка Давуда (а.с.) как многомерную модель, объединяющую историческое, пророческое и внутреннее духовное измерения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Наджмуддин Кубра, также известный как Наджм ад-дин Абу-ль-Джаниб Ахмад ибн Умар аль-Хиваки аль-Хорезми, является одним из выдающихся представителей суфийской мысли XII века, оказавшим значительное влияние на развитие исламской духовной культуры как в государстве Хорезмшахов, так и в более широком мусульманском мире. Основанное им учение – тарикат Кубравия – представляет собой целостную духовно-мистическую систему, получившую широкое распространение и признание благодаря своей теоретической глубине и практической направленности (Куртуби, 2002: 56).

Наджмуддин Кубра родился в 1145 году в Хорезме, в местности Хивак. В ранний период своей жизни он совершил ряд путешествий по ведущим интеллектуальным и духовным центрам исламского мира, включая Нишапур, Хамадан, Исфахан, Мекку и Александрию. Эти поездки сыграли важную роль в формировании его богословских и духовных

взглядов, а также способствовали усвоению различных традиций исламского знания.

В 1184 году он вернулся в Ургенч, где основал ханака и сформировал суфийское братство Кубравия, заложив тем самым институциональную основу для распространения своего учения. Деятельность Кубры способствовала консолидации духовного сообщества и оказала значительное влияние на развитие суфизма в регионе.

Согласно источникам, его отец, Умар ибн Мухаммад ибн Абдуллах, был известен как знаток религиозных наук и отличался высокой степенью религиозности. Несмотря на то что сам Наджмуддин Кубра не приводит прямых сведений о своей семье, косвенные данные позволяют предположить, что начальные основы религиозного образования и духовного воспитания он получил в семейной среде.

В классических и позднейших источниках отмечается разнообразие кунья и прозвищ, связанных с его именем. Так, в произведении Алишера Навои «Насаим аль-мухаббат» используется кунья Абул-Джаннад (Навои, 2000: 112). Современный исследователь Юсуф Зидан связывает прозвище «Кубра» с кораническим выражением «ат-таммат аль-кубра» (Коран 79:34), интерпретируя его как указание на исключительные интеллектуальные способности учёного. По его мнению, данное именование отражает репутацию Кубры как выдающегося мыслителя, способного к быстрому, аргументированному и глубокому осмыслению богословских вопросов.

Что касается происхождения куньи, сам Наджмуддин Кубра в своём произведении «Фавах аль-джамаль ва фаватих аль-джалал» сообщает, что во время пребывания в Александрии, где он занимался изучением хадисов, потерял сознание и во сне увидел Пророка Мухаммад (с.а.в.). В этом видении он спросил: «Моя кунья – Абул-Джаноб или Абул-Джаннад?», где первое означает «сторона», а второе – «тот, кто отвращает себя от греха». В ответ Пророк Мухаммад (с.а.в.) назвал его «Абул-Джаннад».

Формирование различных подходов к толкованию Корана связано с развитием исламской интеллектуальной традиции, в рамках которой постепенно складывались разнообразные методы интерпретации священного текста. В этом контексте Наджмуддин Кубра подчёркивает, что ишарийское толкование не является нововведением, а имеет корни в раннем исламском периоде, восходя к эпохе Пророка и его сподвижников. (Наджмуддин Кубра, 2009:15-17).

Согласно данной позиции, понимание Корана предполагает не только буквальное восприятие

текста, но и глубокое размышление над его смысловыми уровнями. В суфийской традиции данная идея получила выражение в концепции многослойности коранического текста. В частности, высказывание, приписываемое Джаъфару ас-Садику, фиксирует четыре уровня восприятия: ибара – внешний, доступный всем; ишара – уровень, раскрывающийся для знающих; латаиф – тонкие духовные смыслы, доступные избранным; хакикат – высший уровень понимания, связанный с пророческим знанием (ас-Суюти, 1996: 100).

Таким образом, ишарийское толкование в суфийской традиции рассматривается как органичная часть исламской традиции толкования Корана, направленная на раскрытие внутренних смыслов текста и его духовно-антропологического содержания.

Исторические события в рамках данного метода рассматриваются как знаки, указывающие на внутренние духовные состояния человека и универсальные религиозно-нравственные принципы. Так, эпизоды из жизни пророка Ибрахима (а.с.) могут интерпретироваться как символические повествования, отражающие идеи преданности, веры и полной покорности воле Аллаха.

Существенное значение в данном подходе имеет использование коранических повествований в качестве средства нравственного наставления. История о падении Адама (а.с.) и Иблиса осмысливается как модель, раскрывающая значение смирения, ответственности и доверия Богу, а также предупреждающая о последствиях высокомерия и неповиновения.

Ишарийское толкование направлено также на выявление глубинных смыслов, скрытых за внешним описанием событий. В этом контексте противостояние Мусы (а.с.) и Фараона может рассматриваться как символ внутренней борьбы между добром и злом, тогда как повествование о Давуде (а.с.) и Джалуте интерпретируется как образ преодоления внутреннего зла и утверждения духовной стойкости.

Особое внимание уделяется духовно-нравственному содержанию коранического текста. Повествования о пророке Мухаммаде (с.а.в.) осмысливаются через призму его духовных качеств и универсального значения его миссии, направленной на формирование нравственных ориентиров человека.

При этом ишарийское толкование осуществляется в рамках чётких методологических принципов. В классической исламской традиции подчёркивается, что такие интерпретации не должны противоречить разуму и нормам шариата, вступать

в противоречие с ясными (мухкам) аятами Корана, отрицать внешний смысл текста или нарушать грамматические нормы арабского языка (ас-Суюти, 1996: 179).

Важным условием также является согласованность толкования с основами исламского вероучения. Ишарийская интерпретация не должна противоречить ключевым положениям акиды, включая веру в единобожие, пророков, Священные Писания и Судный день. Использование символических и аллегорических форм должно сохранять связь с фундаментальными принципами веры.

Таким образом, ишарийский тафсир представляет собой метод интерпретации, ориентированный на раскрытие духовных и символических смыслов коранического текста. Его значение в анализе повествований о пророке Давуде (а.с.) заключается в выявлении универсальных духовных уроков, отражающих процессы внутреннего самопознания, нравственного выбора и стремления к духовному совершенствованию (Наджмуддин Кубра, 2009: 45-47).

Ишарийское толкование позволяет рассматривать коранические события как универсальные духовные модели, применимые к процессу личностного и нравственного становления человека. При этом, несмотря на выраженную суфийскую направленность труда «Таъвилат ан-Наджмия», Наджмуддин Кубра в своей интерпретации опирается на традиционный метод «толкования Корана Кораном», привлекая для раскрытия смысла отдельных аятов сопоставительные коранические фрагменты (Кубра, 2009: 97).

Показательным является комментарий к эпизоду о споре двух тяжущихся (38:21–24), где один из них владеет девяносто девятью овцами, а другой – одной. В кораническом тексте данный сюжет связан с судебной функцией Давуда (а.с.) и необходимостью справедливого решения.

В ишарийской интерпретации Наджмуддина Кубры данный эпизод получает символическое осмысление: два тяжущихся рассматриваются как аллегория различных аспектов внутренней структуры человека, прежде всего нафса и духовного начала, тогда как множество овец символизирует множественность страстей, а единственная овца – сердце как центр духовной жизни (Кубра, 2009: 1342).

В этом контексте судебное решение Давуда (а.с.) интерпретируется как проявление внутреннего различения, позволяющего выявить скрытую несправедливость и восстановить духовное равновесие. Особое значение приобретает

последующее покаяние Давуда (а.с.), которое осмысливается как указание на необходимость постоянной духовной рефлексии и самоконтроля. Данный мотив подчеркивает, что даже в рамках пророческого служения сохраняется необходимость внутреннего совершенствования, что тем более актуально для обычного человека.

Кораническое повествование о пророке Давуде (а.с.) раскрывает не только его пророческую миссию, но и модель гармоничного распределения жизненных обязанностей. Согласно исламской традиции, Давуд (а.с.) структурировал своё время между поклонением, осуществлением судебной функции, наставлением людей и личными делами. Данная модель интерпретируется как пример сбалансированного сочетания духовной, социальной и индивидуальной сфер жизни.

Особое значение в кораническом повествовании имеет эпизод с двумя тяжущимися (38:21–24). В классической интерпретации данный сюжет рассматривается как указание на необходимость справедливого судопроизводства и ответственности при вынесении решения. В соответствующем кораническом тексте данный эпизод представлен как испытание, после чего Давуд (а.с.) обращается с покаянием к Богу.

Дополнительное измерение образа Давуда (а.с.) раскрывается в хадисной традиции. Согласно хадису, он соблюдал пост через день и совершал ночную молитву, что рассматривается как модель умеренной и устойчивой духовной практики (аль-Бухари, №1131).

Также в хадисах подчёркивается, что Давуд (а.с.) зарабатывал на жизнь собственным трудом, изготавливая доспехи, что интерпретируется как пример трудовой этики и личной ответственности (аль-Бухари, №1027).

В произведении Наджмуддин Кубра «Таъвилат ан-Наджмия» история пророка Давуда (а.с.) рассматривается как пример полной покорности божественной воле. В рамках суфийского подхода духовное развитие человека связывается с очищением нафса и внутренним самопознанием. При этом в ряде интерпретаций подчёркивается, что описания таких категорий, как нафс, шайтан или ангелы, могут рассматриваться в символическом, ишарийском смысле, указывая на внутренние духовные состояния человека (Кадыри М. Р., 2004:118). Следует отметить, что подобные выражения не следует понимать буквально, поскольку в классической исламской догматике ангелы, шайтан, Рай и Ад являются объективными реальностями. В суфийской традиции такие формулировки используются как

аллегорический способ описания духовного опыта, не отрицая их внешнего (захир) существования. (Кадыри М. Р., 2004:118).

Расширяя свои знания, человек лишь переходит от большей глупости к меньшей, если он не осознаёт глубинной природы собственного «Я». Мудр тот, кто ищет истину не во внешнем мире, а внутри себя. Мысль о том, что «Я существую, а мир не существует». Эта мудрость схожа с учением имама Абу Хамида аль-Газзали, который писал, что ум развивается через смирение и готовность учиться, и только тот, кто признаёт своё незнание, может открыть себе путь к истинному знанию (Газзали, 2005). Идея познания через противоположности находит отражение в поэзии Джалаладдина Руми, который писал, что зло невозможно распознать без добра, и понимание одной противоположности помогает постичь другую (Руми, 2013:1345). Также Руми писал: «Искал я Бога и нашёл лишь себя. Искал себя и нашёл лишь Бога».

В произведении Наджмуддина Кубры «Таъвилат ан-Наджмия» образ пророка Давуда (а.с.) интерпретируется как модель полной покорности божественной воле и духовного самосовершенствования. В рамках данного подхода развитие личности напрямую связывается с процессами очищения нафса и внутреннего самопознания, что отражает ключевые положения суфийской антропологии.

В ряде интерпретаций категории нафса, шайтана и ангелов рассматриваются в символично-аллегорическом ключе, выступая как указания на внутренние состояния человека и динамику его духовной жизни (Кадыри, 2004: 118). При этом подобная интерпретация не носит редуccionистского характера, поскольку в классической исламской доктрине указанные категории сохраняют статус объективной реальности. В суфийской традиции их символическое осмысление используется как метод описания внутреннего духовного опыта, при сохранении баланса между внешним (захир) и внутренним (батин) уровнями понимания.

В данном контексте особое значение приобретает проблема самопознания как основания духовного развития. В суфийской мысли подчёркивается, что накопление знаний само по себе не ведёт к истинному пониманию, если человек не осознаёт глубинную природу собственного «Я». Таким образом, подлинное знание трактуется как результат внутренней рефлексии, а не исключительно рационального освоения внешнего мира.

Данная идея соотносится с интеллектуальной традицией исламской мысли, в частности с концепциями Абу Хамида аль-Газзали, который

рассматривал познание как процесс, основанный на признании ограниченности человеческого знания и необходимости духовного очищения (Газзали, 2005). Аналогичные положения находят отражение в суфийской поэзии Джалаладдина Руми, где познание истины раскрывается через осмысление противоположностей и внутреннего опыта. В этом контексте духовное развитие интерпретируется как процесс, в котором познание себя становится условием постижения высшей реальности (Руми, 2013: 1345).

Таким образом, в интерпретации Наджмуддина Кубры образ пророка Давуда (а.с.) приобретает не только историко-религиозное, но и универсальное антропологическое значение, выступая в качестве модели внутреннего духовного пути, направленного на очищение, самопознание и достижение гармонии между внешним и внутренним измерениями человеческого существования.

АНАЛИЗ

Образ пророка Давуда (а.с.) занимает важное место не только в исламской, но и в более широком религиозно-интеллектуальном дискурсе, привлекая внимание представителей различных традиций как пример гармоничного сочетания силы, мудрости и духовного совершенства. В интерпретации Наджмуддина Кубры, представленной в труде «Таъвилат ан-Наджмия», данный образ рассматривается преимущественно в контексте внутреннего духовного пути человека.

В рамках ишарийского подхода события из жизни Давуда (а.с.) интерпретируются не только как исторические факты, но и как отражение глубинных духовных процессов, включая борьбу с нафсом, следование божественной воле и достижение внутренней гармонии. Особое внимание уделяется идеям самопознания, преодоления эгоцентризма и духовного совершенствования как основным условиям приближения к Богу.

Коранический текст подчёркивает преемственность пророческой миссии и особое положение Давуда (а.с.) в ряду пророков. В аяте (6:84) он упоминается среди потомков Ибрахима, наставленных на прямой путь, что в классической традиции интерпретируется как проявление божественного благоволения (ат-Табари, 2001: 210). В другом аяте (17:55) подчёркивается особый статус Давуда (а.с.), которому был дарован Забур.

Классические толкования также акцентируют внимание на способности Давуда (а.с.) к справедливому судопроизводству и вынесению обоснованных решений, что делает его примером

правителя, соединяющего знание, ответственность и богобоязненность.

Особое место в кораническом повествовании занимает указание на дарованные Давуду (а.с.) способности. В аятах (34:10-11) говорится о том, что железо было сделано для него мягким, что позволило ему изготавливать доспехи. В традиционном понимании это указывает на божественную помощь, тогда как в суфийской интерпретации данный мотив может рассматриваться как символ преобразования внутренней природы человека.

Дополнительный аспект образа Давуда (а.с.) связан с его духовной одарённостью. Кораническое описание подчёркивает, что горы и птицы прославляли Аллаха вместе с ним (34:10), что указывает на особую гармонию между человеком и окружающим миром. Данное представление получает развитие в хадисной традиции, где отмечается исключительная красота голоса Давуда (а.с.); в частности, сообщается, что некоторым сподвижникам был дарован голос, подобный голосу Давуда (аль-Бухари, хадис №5048).

В суфийской интерпретации описанные события осмысляются как проявление внутреннего духовного света. Предполагается, что если человек пребывает в состоянии искренней веры и единобожия, то божественная милость проявляется через него, а окружающий мир откликается состоянием гармонии. В таком контексте чудеса, связанные с пророком Давудом (а.с.), рассматриваются не только как физические явления, но и как символы духовного совершенства.

В исламской традиции также подчёркиваются особые качества Давуда (а.с.), включая его мудрость в судебных решениях и способность к глубокому пониманию. В частности, известный хадис о споре двух женщин, разрешённый сначала Давудом (а.с.), а затем Сулейманом (а.с.), иллюстрирует различие в глубине суждения и значимость поиска истины (аль-Бухари, хадис №3426).

Кораническое откровение рассматривается как источник божественных знамений, однако их подлинное понимание, согласно суфийской традиции, доступно лишь определённой категории людей. В ряде аятов (38:29; 47:24) подчёркивается необходимость размышления над откровением как условия постижения его глубоких смыслов. Комментируя данные положения, Наджмуддин Кубра вводит понятие «ахлюль хайр» – людей добра, обладающих духовной восприимчивостью и нравственной зрелостью (Кубра, 2009: 1145-1147).

В противоположность этому выделяется категория людей, неспособных к постижению духовного содержания откровения. К ним

относятся личности, характеризующиеся гордыней, ограниченностью мышления и внутренней закрытостью. В суфийской перспективе именно эти качества препятствуют пониманию божественных знаков, поскольку истинное знание предполагает смирение и внутреннюю готовность к духовному восприятию.

В более широком контексте образ пророка Давуда (а.с.) также иллюстрирует принципы справедливого и легитимного управления. Его деятельность рассматривается как пример сочетания духовной зрелости, знания и способности принимать обоснованные решения. В исламской традиции подчёркивается, что эффективное правление возможно лишь при наличии нравственной ответственности, компетентности и ориентации на истину, что делает фигуру Давуда (а.с.) универсальной моделью как духовного, так и социального лидерства.

Рассматриваемые принципы находят применение и в сфере социальной организации, включая вопросы управления и мобилизации. В исламской традиции подчёркивается, что участие в коллективных действиях требует не только физической готовности, но и внутренней устойчивости, дисциплины и духовной зрелости.

Показательным является коранический эпизод, связанный с Талутом (Саулом), в котором описывается испытание войска рекой (2:249). Данный сюжет иллюстрирует принцип отбора, основанного не на численности, а на внутренней готовности участников. В аяте подчёркивается, что лишь немногие проявили сдержанность и выдержали испытание, тогда как большинство оказалось неспособным к самоконтролю. В результате именно духовно стойкое меньшинство демонстрирует готовность к противостоянию более сильному противнику, что подчёркивает роль веры, терпения и убеждённости.

В ишарийской интерпретации Наджмуддина Кубры данный эпизод приобретает символическое измерение. Образ реки рассматривается как метафора мирских благ и удовольствий, выступающих испытанием для человека (Кубра, 2009: 450). Чрезмерная привязанность к материальному приводит к духовному ослаблению, тогда как умеренность и способность к самоограничению интерпретируются как признаки духовной зрелости. Таким образом, кораническое испытание осмысливается как универсальная модель внутреннего выбора между мирским и духовным.

Данная интерпретация соотносится с более широким кораническим контекстом, в частности с аятом (3:14), где подчёркивается привлекательность

мировских благ и их временный характер. В совокупности эти положения формируют представление о мирской жизни как пространстве испытания.

Важное значение в данном контексте имеет также вопрос критериев лидерства. В аяте (2:247) подчёркивается, что избрание Талута царём вызвало недовольство народа, ориентированного на внешние признаки, такие как богатство и социальный статус, тогда как коранический текст акцентирует внимание на знании и силе, дарованных по божественной воле.

Комментируя данный эпизод, Наджмуддин Кубра указывает на ограниченность человеческого восприятия божественных решений, подчёркивая необходимость их смиренного принятия (Кубра, 2009: 460).

В результате образ Талута интерпретируется как модель легитимного лидерства, основанного на знании, духовной устойчивости и способности к справедливому управлению. Данный пример подчёркивает, что истинные основания власти лежат не в материальных ресурсах или социальном положении, а в совокупности нравственных и интеллектуальных качеств, соответствующих божественным установлениям.

Таким образом, в ишарийском толковании данный коранический сюжет приобретает универсальное значение, раскрывая принципы внутреннего отбора, духовной дисциплины и этики лидерства, применимые как к индивидуальному развитию, так и к общественной организации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ тафсира Наджмуддина Кубры «Таъвилат ан-Наджмия» показывает, что ишарийское толкование коранических аятов о пророке Давуде (а.с.) формирует целостную герменевтическую модель, ориентированную на раскрытие внутреннего, духовно-антропологического содержания текста. В рамках данного подхода кораническое повествование выходит за пределы исключительно историко-описательного уровня и приобретает универсальное значение, выступая инструментом осмысления человеческого духовного опыта.

Установлено, что образ пророка Давуда (а.с.) в интерпретации Кубры представлен как многомерная символическая конструкция, объединяющая аспекты пророчества, власти, нравственной ответственности и внутренней трансформации. Особое значение приобретают мотивы покаяния, справедливости и духовной бдительности, которые в ишарийском

толковании соотносятся с ключевыми категориями суфийской антропологии – нафс и калб. Таким образом, коранические сюжеты, связанные с Давудом (а.с.), интерпретируются как модель внутренней борьбы человека, направленной на преодоление страстей и достижение божественной близости.

Анализ ключевых аятов, включая эпизод о двух тяжущихся, показывает, что Наджмуддин Кубра последовательно применяет символическо-аллегорический метод, позволяющий выявить многослойную структуру коранического текста. Его подход характеризуется сохранением методологического баланса между внешним (захир) и внутренним (батин) уровнями смысла, что обеспечивает органичную интеграцию ишарийского толкования в рамках исламской традиции толкования Корана.

Сравнительный анализ свидетельствует, что, в отличие от классических тафсиров, ориентированных на историко-богословский и правовой анализ, тафсир Кубры акцентирует внимание на внутреннем духовном измерении текста. Это позволяет рассматривать его труд как значимый этап в развитии суфийской герменевтики, в рамках которой кораническое откровение выступает средством формирования нравственной и духовной идентичности человека.

Научная значимость исследования состоит в уточнении специфики ишарийского подхода к интерпретации коранических аятов, а также в выявлении роли суфийского толкования в развитии исламской герменевтики. Полученные результаты подтверждают, что «Таъвилат ан-Наджмия» представляет собой не только комментаторский труд, но и целостную философско-антропологическую концепцию, направленную на осмысление внутренней структуры человеческой личности.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением сравнительного анализа ишарийских тафсиров различных суфийских авторов, а также с изучением влияния подобных интерпретаций на формирование этических и духовных моделей в исламской традиции. Представляется актуальным также исследование рецепции идей Наджмуддина Кубры в последующей суфийской мысли и их значения в современном религиоведческом дискурсе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. أبو حامد الغزالي. (2005). إحياء علوم الدين. القاهرة: دار التقوى.
2. أبو بكر البيهقي. (2019). شعب الإيمان. بيروت: دار الكتب العلمي.
3. أبو جعفر محمد بن جرير الطبري. (1975). جامع البيان عن تأويل أي القرآن. ج 1. بيروت: دار الفكر.

REFERENCE

4. أبو جعفر محمد بن جرير الطبري. (1975). جامع البيان عن تأويل أي القرآن. ج 2. بيروت: دار الفكر.
5. أحمد القرطبي. (2002). جامع لأحكام القرآن (تحقيق: محمد إبراهيم خاتوي ومحمود حميد عثمان). ج 8. القاهرة: دار الحديث.
6. جلال الدين عبد الرحمن السيوطي. (2004). الإتيان في علوم القاهرة: دار الحديث II. القرآن. ج 1. البريدة: دار وهبة.
7. محمود الزهاوي. (بدون تاريخ). تفسير المفسرون. ج 1. بيروت: دار وهبة.
8. الصالبي، محمد. (2001). أبو بكر الصديق: شخصيته وعصره. بيروت: دار المعرفة.
9. الصالبي، محمد. (2003). السيرة النبوية: عرض وقائع وتحليل أحداث. بيروت: دار المعرفة.
10. الصالبي، محمد. (2005). الدولة الأموية. بيروت: دار المعرفة.
11. نجم الدين كبرى. (2009). تأويلات النجمية. تحقيق: أحمد فريد مزدي. ج 1. بيروت: دار الكتب العلمية.
12. نجم الدين كبرى. تأويلات النجمية. (2009). لبنان: دار الكتب العلمية.
13. Абу Тоҳирхожа. (1991). Самария. Тошкент: Камалак.
14. Максудов Д. (2019). Мовароуннахр ҳанафийлик мазҳаби тафсирилари (XIII–XV асрлар). Тошкент: Ўзбекистон халқаро Ислом академияси нашриёти.
15. Мухаммад Рашид Ризо. (1999). Тафсирул Манор. Ж. 9. Бейрут: Дорул кутубил илмия.
16. Аль-Бухари, М. ибн Исмаил. (1997). Сахих аль-Бухари (пер. М. Мухсин Хан). Эр-Рияд: Darussalam.
17. Муслим, ибн аль-Хаджадж. (2007). Сахих Муслим (пер. А. Сиддики). Нью-Дели: Kitab Bhavan.
18. Куръони карим маъноларининг таржима ва тафсири / Таржима ва тафсир муаллифи А.Мансуров (2021). Тошкент: Сано-стандарт.
19. Игнатий Юлианович Крачковский. Перевод Корана. (1963) Москва: Издательство восточной литературы.
20. Шайх Мухаммад Содиқ Мухаммад Юсуф. Куръон илмлари. (2006) Тошкент: Хилол-Н.
21. Айнул Ҳаёт тафсирида Фотиҳа сураси таҳқиқи ва Нажмиддин Кубро тафсири методи. (2007). Истанбул.
22. Исҳоқова З. Шайх Нажмиддин Кубро. – Тошкент: Ўзбекистон.
23. Arnold, Thomas Walker. (1864). The Caliphate (With an Additional Chapter by Sylvia G. Haim). London: Routledge and Kegan Paul.
24. Arnold, Thomas Walker. (1965). Painting in Islam: A Study of the Place of Pictorial Art in Muslim Culture. Oxford: Clarendon Press.
25. Edersheim, Alfred. (1985). The Bible History – Israel under Samuel, Saul, and David, to the Birth of Solomon. London: The Religious Tract Society.
1. Al-Ghazali, Abu Hamid. (2005). Ihya' 'Ulum al-Din. Cairo: Dar al-Taqwa.
2. Al-Bayhaqi, Abu Bakr. (2019). Shu'ab al-Iman. Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiyya.
3. Al-Tabari, Abu Ja'far Muhammad ibn Jarir. (1975). Jami' al-Bayan 'an Ta'wil Ay al-Qur'an (Vol. 1). Beirut: Dar al-Fikr.
4. Al-Tabari, Abu Ja'far Muhammad ibn Jarir. (1975). Jami' al-Bayan 'an Ta'wil Ay al-Qur'an (Vol. 2). Beirut: Dar al-Fikr.
5. Al-Qurtubi, Ahmad. (2002). Al-Jami' li Ahkam al-Qur'an (Vol. 8, ed. Muhammad Ibrahim al-Hanawi & Mahmud Hamid 'Uthman). Cairo: Dar al-Hadith.
6. Al-Suyuti, Jalal al-Din 'Abd al-Rahman. (2004). Al-Itqan fi 'Ulum al-Qur'an (Vol. 2). Cairo: Dar al-Hadith.
7. Al-Dhahabi, Mahmud. (n.d.). Al-Tafsir wa al-Mufasssirun (Vol. 1). Al-Buraydah: Dar Wahbah.
8. Al-Sallabi, Muhammad. (2001). Abu Bakr al-Siddiq: Shakhsiyyatuhu wa 'Asruhu. Beirut: Dar al-Ma'rifah.
9. Al-Sallabi, Muhammad. (2003). Al-Sirah al-Nabawiyyah: 'Ard Waqa'i' wa Tahlil Ahdath. Beirut: Dar al-Ma'rifah.
10. Al-Sallabi, Muhammad. (2005). Al-Dawlah al-Umayyiah. Beirut: Dar al-Ma'rifah.
11. Kubra, Najm al-Din. (2009). Ta'wilat al-Najmiyyah (Vol. 1, ed. Ahmad Farid Mazidi). Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiyya.
12. Kubra, Najm al-Din. (2009). Ta'wilat al-Najmiyyah. Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiyya.
13. Abu Tahirkhoja. (1991). Samariya. Tashkent: Kamalak.
14. Maqsudov, D. (2019). Movarounnahr hanafiylik mazhabi tafsirlari (XIII–XV asrlar). Tashkent: Uzbekistan International Islamic Academy Press.
15. Rida, Muhammad Rashid. (1999). Tafsir al-Manar (Vol. 9). Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiyya.
16. Al-Bukhari, Muhammad ibn Isma'il. (1997). Sahih al-Bukhari (trans. M. Muhsin Khan). Riyadh: Darussalam.
17. Muslim, ibn al-Hajjaj. (2007). Sahih Muslim (trans. A. Siddiqi). New Delhi: Kitab Bhavan.
18. Mansurov, A. (2021). Qur'oni karim ma'nolarining tarjima va tafsiri. Tashkent: Sano-standart.
19. Krachkovsky, Ignaty Yulianovich. (1963). Translation of the Qur'an. Moscow: Publishing House of Oriental Literature.
20. Muhammad Sadiq Muhammad Yusuf. (2006). Qur'on ilmlari. Tashkent: Hilol-N.
21. Ayn al-Hayat tafsirida Fotiha surasi tadqiqi va Najmuddin Kubra tafsiri metodi. (2007). Istanbul.
22. Ishaqova, Z. Shaykh Najmuddin Kubra. Tashkent: Uzbekistan.
23. Arnold, Thomas Walker. (1864). The Caliphate. London: Routledge and Kegan Paul.
24. Arnold, Thomas Walker. (1965). Painting in Islam: A Study of the Place of Pictorial Art in Muslim Culture. Oxford: Clarendon Press.
25. Edersheim, Alfred. (1985). The Bible History: Israel under Samuel, Saul, and David, to the Birth of Solomon. London: The Religious Tract Society.